

Книги Романа Злотникова и
Антон Корнилова в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Цикл
«РЫЦАРИ ПОРОГА»
ПУТЬ К ПОРОГУ
БРАТСТВО ПОРОГА
ВРЕМЯ ТВАРИ
ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

Книги Романа Злотникова

СОБОР
РУССКИЕ СКАЗКИ
ЭЛИТА ЭЛИТ

Цикл
«БЕРСЕРКЕР»
МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ
БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ
ПРИНЦЕССА С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ

Цикл
«ГРОН»
ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ

Цикл
«ВЕЧНЫЙ»
ШПАГИ НАД ЗВЕЗДАМИ
ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА
И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД

Цикл
«ИМПЕРИЯ»
ВИВАТ ИМПЕРАТОР!
АРМАГЕДДОН

Цикл
«АРВЕНДЕЙЛ»
АРВЕНДЕЙЛ
ГЕРЦОГ АРВЕНДЕЙЛ
АРВЕНДЕЙЛ. ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ

В соавторстве с Александром Воробьевым
РОНИН

В соавторстве с Антоном Красновым
ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ
ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН
ЛЕННАР. ПСЕВДОНИМ БОГА
ЛЕННАР. ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ

В соавторстве с Олегом Маркеловым
КРЫЛО АНГЕЛА

В соавторстве с Сергеем Мусанифом
ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ
МАНЕВРЫ НЕУДАЧНИКОВ
ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ

Книги Антона Корнилова
КОСТЬ ВОИНЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-68

Серия основана в 1992 году
Выпуск 771

Художник
В. Федоров

Злотников Р. В., Корнилов А.
3-68 Последняя крепость: Фантастический роман в двух томах. Т. 1. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 344 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1186-3
ISBN 978-5-9922-1187-0 (т.1)

Давно повержен маг-узурпатор Константин Великий. Но желанный мир не пришел в королевства людей. Король Газлона Эрл Победитель бессилен повелевать своими землями. Его величество Эрл Победитель бессилён повелевать даже самим собою. Ибо во власти Высокого Народа не только Шесть Королевств, но и разум и сердце короля Эрла. Лишь рыцари Болотной Крепости Порога в состоянии изменить существующий порядок. Поэтому они и обвинены в измене королевству. И подлежат королевскому суду. И смертной казни...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1186-3 © Злотников Р. В., Антон Корнилов, 2012
ISBN 978-5-9922-1187-0 (т.1) © Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Этот бассейн был вырезан в плите голубого мрамора — самой большой, которая только нашлась в мире, где добывают такой камень. Купальщица скользнула с низкого бортика в теплые объятия сверкающе-розовых волн, ласкавших одна другую, вынырнула и, перевернувшись на спину, рассмеялась. Волны, вытянувшись медленными искрящимися струями, окутали тело, погрузили в подобие колыбели.

— Довольно... приятно, — сказала она, расслабившись и позволив колыбели качивать ее. — Чем ты наполнил бассейн?

Лишенная покровов одежды, девушка стала еще красивей. Она была — невыразимо прекрасной. Длинные пряди волос цвета юной зелени нежными змеями обнимали ее тело, не скрывая, а подчеркивая восхитительную наготу.

Рубиновый Мечник Аллиарий, Призывающий Серебряных Волков только теперь позволил себе улыбнуться.

— Это дыхание певчих птиц, — сказал он. — Его собирали в течение трехсот лет по всем землям *гилуглов*... Тебе нравится, Инаиксия? Никто и никогда в Тайных Чертогах не вкушал такого купания.

— Я же сказала — это довольно приятно. Но ты дал мне понять: это еще не все из того, что ты мне приготовил?

— Да, любовь моя, это не все.

Она подплыла к бортику и протянула Аллиарию руку.

— Чего ты ждешь? Помоги мне выбраться.

— Страсть разорвет мне сердце, если я осмелюсь сейчас дотронуться до тебя, Инаиксия...

Эти слова рассмешили наготу купальщицу, Лунную Танцовщицу Инаиксию, Принцессу Жемчужного Дома.

— Я слышала о случаях, — смеясь, проговорила она, — когда кое-кто из нашего народа достигал такой степени блаженства, что одну из частей его тела действительно разрывало на части... Но то было вовсе не сердце...

Аллиарий снова улыбнулся, поднялся и, преломившись в поклоне, отступил назад. Вместо него у бортика возникло удивительное существо. Более всего оно напоминало гигантскую стрекозу, но крылья ее были словно из жидкого пламени, а громадные глаза напоминали гроздья кроваво-алых рубинов. Существо протянуло Инаиксии одну из гибких конечностей, гладкую до блеска, и, когда Лунная Танцовщица, удивленно улыбаясь, взялась за нее — взмахнув крыльями, вознесло Принцессу высоко-высоко вверх, под самый потолок необъятно громадного гулкого дворцового зала, а потом осторожно опустило рядом с бассейном — на выточенный из черного хрусталя пол. Затем существо распростерлось на полу, сложив крылья у ног девушки.

— Оно разумно, — сказал Аллиарий, появляясь рядом с Принцессой Жемчужного Дома. — И оно будет служить тебе, выполняя все, что ты пожелаешь...

— Где ты раздобыл эту диковину? — спросила Инаиксия, обходя вокруг огнекрылое создание, чтобы получше его разглядеть. — И как оно называется?

— Называй его, как тебе вздумается, любовь моя. Такого существа, как это, еще нет ни у кого в Чертогах... Поэтому его будут называть тем именем, какое дашь ему ты.

— Я буду звать его... Рубиновый Мечник, — проговорила Лунная Танцовщица и, увидев, как изменилось лицо Аллиария, снова засмеялась. — Забавно, не правда ли? Я введу этих слуг в моду, и очень скоро в Тайных Чертогах будет пруд пруди Рубиновых Мечников! Что это с тобой, Аллиарий? Я обидела тебя?

— Вовсе нет, — пробормотал Рубиновый Мечник Аллиарий и поклонился, скользнув рукой себе за спину, под плащ. Когда он выпрямился, на лице его холодно сияла непроницаемая серебряная маска.

— Оби-иделся, мой бедненький Рубиновый Мечник, — пропела полными губами Инаиксия. — Ты совсем разучил-

ся воспринимать дружеские шутки. Разве можно обижаться на друзей, мой милый... Рубиновый Мечник?..

Существо, видно решив, что на этот раз его новая госпожа обращается к нему, заклекотало и захлопало крыльями. Голос Лунной Танцовщицы Инаиксии, Принцессы Жемчужного Дома снова рассыпался довольным смехом.

— Ты знаешь, Инаиксия, что я изо всех сил стараюсь стать для тебя чем-то большим, чем просто друг, — донеслось из-под серебряной маски Аллиария.

— Стараешься, — подтвердила Принцесса. — Но вот — изо всех ли сил? Мой возлюбленный братец Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время радует меня чаще и лучше, чем ты... Купание в бассейне и новый слуга — это все, чем ты сегодня решил меня потешить?

— Что есть в Лилатирии такого, чего нет во мне?! — вырвалось глухое восклицание у Аллиария. Но, впрочем, он довольно быстро справился с собой и, вновь поклонившись, ответил: — Нет, любовь моя, это еще не все. Прошу следовать за мной. Не прикажешь ли твоему... слуге подать тебе одеться?

— Нет, — коротко ответила Инаиксия. — Мне нравится, как ты смотришь на меня, когда я без одежды.

Они прошли несколько сотен шагов — подошвы сапог Аллиария звонко цокали о хрустальные плиты, а обнаженная Инаиксия ступала совсем беззвучно — и оказались в центре зала. Аллиарий поднял руку вверх, и в его ладонь опустилась золотая цепь. Он потянул за эту цепь. Из-под потолка выплыла и установилась на полу большая клетка из прозрачного хрусталя.

— Опять *гилуглы*... — поморщилась Инаиксия, взглянув на закрытых в клетке созданий.

Строением тела и даже чертами лица *гилуглы* сильно напоминали Аллиария и прочих представителей мужского пола, обитающих в Тайных Чертогах, но были несравненно уродливее. Пышные и богато украшенные одеяния этих созданий делали их еще более отвратительными.

— Снова *гилуглы*, — повторила Лунная Танцовщица. — Последнее время их столько стало в Чертогах! Поначалу эти создания забавляли меня, но с недавних пор, признаться, начали надоедать. Что они делают?

В клетке находилось трое *гилуглов*. И все трое были увлечены тем, что, собравшись кучкой, оглаживали и ласкали тела друг друга, постепенно освобождаясь от одежд...

— Если я не ошибаюсь, все они — самцы... — вопросительно проговорила Принцесса Жемчужного Дома.

— Да. И все находятся под действием любовных чар...

— И что же в этом интересного? Уж не предлагаешь ли ты мне, Аллиарий, поразвлечься с троицей *гилуглов*? Думаешь, я не делала этого?

— Погоди немного, любовь моя...

Аллиарий снова потянул за золотую цепь. В клетку на тонкой цепочке, прикрепленной к нижней конечности, опустилась еще одна особь. В отличие от уже находившихся в заточении, одежды на ней не было. Особь, безвольно покачиваясь, повисла высоко над тремя *гилуглами*.

— Это самка! — хлопнув в ладоши, догадалась Инаиксия. — Но она... она издохла, что ли?

Призывающий Серебряных Волков нахмурился:

— Кажется, да... *Гилуглы* такие слабые... Хотя, впрочем, делу это не помешает.

Трое в клетке не сразу заметили четвертую. Но стоило одному, ненароком взглянув вверх, вскочить и подпрыгнуть в безуспешной и безнадежной попытке схватить самку, как в крайнее возбуждение пришли и другие двое.

— Смотри, любовь моя, — шепнул Аллиарий, подвигаясь вплотную к Инаиксии. — Сейчас начнется...

Гилуглы некоторое время просто прыгали и размахивали руками. Но вскоре один из них случайно толкнул другого... Миг — и пара покатила по хрустальному полу, сцепившись в остервенелой драке и вереща. Они сшибли с ног третьего, и ком из трех извивающихся тел забился под все еще покачивающимся голым трупом.

— Тебе нравится? — спросил Аллиарий.

Принцесса, не говоря ни слова и не отрывая взгляда от зрелища, стряхнула со своего плеча его руку.

Поначалу *гилуглы* молча дрались кулаками и коленями, потом самец в камзоле с оторванным рукавом впился зубами в лицо своему противнику. Тот истошно заорал, отпихивая врага ногами, — поднялся и снова упал, пытаясь перекрыть ладонями струю крови, бьющую из того места, где только что был его нос... Но злоба пересилила боль. Лишившийся носа, рыча, навалился на первого, попавшегося ему, вцепился в горло, заливая его своей кровью... Вид крови точно опьянил дерущихся. Забыв про кулаки, они рвали друг друга зубами... Вскоре один из *гилуглов* откатился в сторону. Горло его было разорвано, и глаза уже начали мутнеть, точно застывающая на морозе вода.

— И этот мертв, — прошептала Инаиксия. Наблюдая за кровавой дракой, Принцесса сплетала и расплетала тонкие пальцы, то и дело проводя по губам кончиком языка. — Послушай, Аллиарий, — сказала она, — не думаю, что подобное обращение с *гилуглами* понравится кому-то еще в Чертогах...

— Главное, что это представление нравится тебе, любовь моя.

— Ты прав, Призывающий Серебряных Волков, ничего подобного я прежде не видела. Но Форум вряд ли это одобрит. Они будут говорить о том, что такое отношение к *гилуглам* не делает чести Высокому Народу.

Аллиарий звонко рассмеялся:

— О, любовь моя, ты ведь никогда не покидала Тайных Чертогов? Если бы ты хоть раз посетила мир *гилуглов*, ты могла бы убедиться: то, что мы наблюдаем сейчас, нормальное для этих созданий поведение. Вся их жизнь состоит из кровопролитий; драки и склоки — основы их существования. Это вовсе не фигура речи, это — истина. Хоть время, отпущенное им, — коротко, но размножаются они чересчур обильно.

— То, что происходит в мире *гилуглов*, — проговорила Инаиксия, с улыбкой глядя на то, как один из дерущихся душил другого, а удушаемый из последних сил старается пальцами выдавить врагу глаза, — пусть остается в мире *гилуглов*. Кровопролития потешают своей необычностью, но... если воспринимать их как порядок вещей... — она заправила за

острое ухо прядь зеленых волос, — понимаешь, насколько это мерзко. Это не для Тайных Чертогов.

— Форум... — пробормотал Рубиновый Мечник. — Что мне Форум! Я столько сделал для Высокого Народа, что мне позволительно и не такое... Это благодаря мне — одному мне — был сокрушен Убийца Из Бездны! Это благодаря мне, а не другим, в числе которых был и твой обожаемый братец Лилатирий, — Тайные Чертоги обрели Темный Сосуд,местилище могучего духа Блуждающего Бога... Может быть, это Лилатирий или кто-то еще вели воинов Высокого Народа в бой в том сражении в месте, именуемом *гилуглами* «Предгорье Серых Камней Огров»?! Это мне принадлежит победа в той битве! Это я заслужил право стать Хранителем Темного Сосуда! Я!.. А ты говоришь, возлюбленная Инаиксия, что Форум осудит меня... Они даже пожуричь меня не осмелятся!

— Ты не в первый раз произносишь подобные речи, Аллиарий, — снова улыбнулась Лунная Танцовщица. — Но мой брат и Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатowego Пламени — так же часто высказываются в том смысле, что ты преувеличиваешь важность своей роли в той битве. И преступно преуменьшаешь — важность их ролей.

— Я был одним из тех, кто сражался! — воскликнул Призывающий Серебряных Волков. — Я командовал отрядами Высокого Народа!

Но Инаиксия уже не слышала его — схватка существ в хрустальной клетке подошла к концу. Выживший, тяжело дыша и кашляя, сидел на трупе с посинелым лицом. Из черноты пустых глазниц победителя до самого подбородка тянулись широкие кровавые полосы. Победитель поднялся и слепо зашарил руками над головой. Лунная Танцовщица с интересом смотрела — что же будет дальше?

Прямо из воздуха над головой Аллиария соткалась птица, матово-черное оперенье которой густо покрывала нестерпимо сияющая золотая вязь. Очень длинным и тонким клювом птица коснулась уха Аллиария.

Рубиновый Мечник Аллиарий, Призывающий Серебряных Волков вздрогнул.

Птица сорвалась с его плеча и растаяла.

— Любовь моя, — проговорил Аллиарий, — я должен покинуть тебя ненадолго. Форум требует моего присутствия. У них есть, что сказать мне...

Голос его звучал несколько растерянно. Но Инаиксия не ответила. Она будто и не слышала Рубинового Мечника. Она наблюдала, как ослепленный *гилугл*, всхрипывая, прыгал, все еще пытаясь ухватить висящий над ним труп самки.

Часть первая ЗАРАЖЕННАЯ КРОВЬ

ГЛАВА 1

Его величество король Гаэлона Эрл Победитель стоял на балконе верхнего яруса Башни Ветров, самой высокой башни Дарбионского королевского дворца. Северный ветер, свирепый и дерзкий, трепал выющиеся пряди золотых волос его величества, шевелил складки тяжелой пурпурной мантии. Взгляд пронзительно-голубых глаз короля был устремлен вниз — на город Дарбион. Глыбистые каменные дома центральной части величайшего города королевства отсюда казались семейством грибов, лепящихся, как к древесному стволу, к громаде дворца. По узким и извилистым улицам, словно по раскрытым норкам, двигались крохотные человечки, медленные, будто гусеницы. Чуть дальше от городского центра улиц было уже не различить, крыши домов наползали друг на друга, как чешуя на тулове свернувшейся в клубок гигантской змеи. А окраины и вовсе представлялись гладкой россыпью мельчайших камешков, наполовину утонувших в голубом утреннем тумане.

А тут, наверху, открывался совсем другой мир — необъятно огромный, распахнутый во все стороны, светлый и свободный. Только птицы — то совсем близко, то далеко-далеко — проплывали по воющим волнам ветра. И, глядя вниз с высоты полета этих птиц, странно было наблюдать скученные в несуразный муравейник тесные жилища людей.

Эрл Победитель был не один. Кроме него на балконе находились еще двое — мимолетного взгляда хватило бы, чтобы определить: это вовсе не люди. Рост этих существ намного превышал человеческий, но они вовсе не казались великанами. Телосложение их было настолько утонченно-изящным, а движения преисполнены такой невыразимой

грации, что сразу становилось ясно: раса, представителями которой являлись эти существа, суть идеал физической красоты. А все человеческие красавцы и красавицы — только карикатурные подделки под этот идеал.

Стоявшие в то утро рядом с королем Гаэлона на балконе верхнего яруса Башни Ветров были детьми Высокого Народа, эльфами — как их еще называли на землях Шести Королевств.

— Ты прошел долгий путь, рыцарь, — заговорил один из Высокого Народа. Он был облачен в белые одежды, имя его было — Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатowego Пламени, а голос походил на звон алмазных горошин в ледяном кубке. — Ты прошел долгий и славный путь. И принес в свое королевство мир и покой.

— Твой путь был бы еще более долог, был бы неизмеримо более труден, и — кто знает — возможно, прервался бы там, в Предгорье Серых Камней Огров, если бы не помощь нашего Народа, — сказал второй эльф, облаченный в одежды цвета бирюзы. Его имя было — Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время. — Тебе и твоим поданным важно помнить об этом.

Король Эрл несколько мгновений молчал. Лучи бледного солнца вспыхивали и гасли на серебряных масках, скрывающих лица эльфов.

— Никто никогда не забудет о том, что Высокий Народ пришел на помощь людям в темные дни войны с узурпатором гаэлонского престола Константином, ведомым Убийцей Из Бездны, — проговорил, повернувшись к Лилатирию, Эрл. — Благодаря вам на землях моего королевства больше не льется кровь и не гибнут безвинные.

— Это так, — сказал Орелий. — Но посмотри, — добавил он и, подняв руку, замысловато изогнул пальцы.

Тотчас ветер ударил в лицо королю, и в ушах его засвистело. Границы поля зрения Эрла вдруг неимоверно расширились, словно король каким-то образом мгновенно взлетел к самому солнцу. Теперь он видел под собой лоскуты крестьянских наделов и поля их господ; увенчанные острыми башенными шпилями города и похожие на скомканные драные тряпочки деревни и поселки, раскиданные по бере-

гам извилистых рек. Видел бескрайние голубые леса на востоке и сияющие изумительной синевой озера Белых гор на западе, угрюмые колючие гряды Скалистых гор на юге и пологие склоны Ледников Андара на севере — откуда брала начало могучая Нарья, рассекающая синим серпом все королевство Гаэлон. Его королевство Гаэлон...

У Эрла захватило дух. Он покачнулся и, ища опоры, судорожно схватился за холодный камень парапета. Подошвы сапог сухо скрипнули по плитам балконного пола. Эрл едва не вскрикнул, удивленный тем, что, оказывается, на самом деле не парит в небесах, а стоит на том же балконе. Но стоило ему оторвать взгляд от мраморных плит, как его голова снова закружилась.

Теперь он ощутил, что словно бы взлетел еще выше.

Теперь король мог видеть не только Гаэлон, но и соседствующие с ним королевства. Стоило чуть повернуть голову, и перед ним открылись лесные поселения Кастарии на юге. Стоило взглянуть на запад — и он увидел башни университетов и библиотек Крафии, укрытой скалами Белых гор от извечного своего врага: небольшого, но воинственного княжества Линдерштерн. Взор короля беспрепятственно проникал за гряды Скалистых гор, где раскинулись владения Марборна, королевства, лишь немного уступающего по могуществу великому Гаэлону, — и еще дальше: сквозь бесплодные Земли Вассы и гибельные Красные Пески — к зеркальным куполам дворцов далекого южного королевства Орабия...

А потом все изменилось. Приобретенное чудесное зрение перестало повиноваться Эрлу. Он видел не то, на что смотрел, а то, что заставляла видеть чужая воля.

...Вот пылают грубо срубленные из массивных бревен сторожевые башни одной из лесных крепостей Кастарии. Беззвучно крича, бросаются из объятых пламенем окон люди. На крепостные стены, земля под которыми истоптана, пропитана кровью и усеяна трупами, при помощи крюков и веревок карабкаются воины в кожаных доспехах. Защитники крепости отчаянно отбиваются — но их остается

все меньше и меньше, потому что вражеские лучники, засевающие на ветвях растущих вокруг крепости деревьев, одного за другим сшибают смельчаков длинными стрелами...

...А вот несущий тьму вихрь налетает на пылающую крепость — и под его черными крыльями гаснет пламя. Тьма начинает таять, и скоро становится видно, как по гулким коридорам Уиндромского королевского дворца, уже многие века служившего главной резиденцией марборнских королей, движется вооруженная процессия: дюжина человек с обнаженными мечами в руках, но без доспехов. К правому рукаву каждого из участников процессии приколоты три красных петушиных пера. Ведет вооруженных людей коренастый мужчина с клочковатой пегой бородой — у него, единственного, на плечах плащ с фамильным гербом: красный петух с золотыми шпорами. Люди идут, не таясь. Да и от кого им таяться? То и дело по пути попадаются лежащие вдоль стен тела стражников, лезвия их алебард не обогреты кровью — видимо, на стражей напали внезапно и закололи прежде, чем те успели вступить в бой. Процессия поднимается по широкой лестнице, ведущей к королевским покоям. Широкий коридор, по стенам которого располагаются двери в опочивальни членов королевской семьи, сплошь забрызган кровью. Не менее двух десятков изрубленных тел валяются в коридоре. Люди с красными перьями на рукавах, перешагивая через трупы, приближаются к одной из дверей — самой большой из всех, двустворчатой, окованной массивными железными листами, покрытыми причудливой резьбой. Там их уже ждут. Семеро в темных одеждах, изорванных и залитых кровью. Двое из этих семерых ранены настолько тяжело, что едва могут стоять. Некоторое время пришедшие о чем-то взволнованно разговаривают с ожидавшими. Затем мужчина в плаще решительно распахивает дверь и, держа меч наготове, входит в опочивальню... Возвращается он скоро. Меча при нем уже нет. В одной его руке — королевская корона с прилипшими к ней седыми прядями волос в кровавых сгустках и бело-серыми ошметками мозгового вещества. В другой — отсеченная голова со страдальчески распахнутым бледно-губым старческим ртом...

...Тьма пожирает коридоры Уиндромского королевского дворца. И тотчас эту тьму прорезают каменные громады, светящиеся неземным белым светом. Эти горы, точно облитые молоком небесных кобылиц, лежат на запад от Гаэллона — их зовут Белыми горами. Здесь даже самой глухой осенней ночью светло так, что можно видеть на несколько шагов вокруг... По извилистой горной тропе неслышно скользят друг за другом воины, облаченные в косматые одежды из шкур диких животных. Вооружены они тяжелыми топорами, короткими луками; на поясах — по несколько кривых ножей, и почти у каждого за спиной связка легких дротиков. Воины движутся по извивам тропы так быстро, и их так много, что этот нескончаемый поток напоминает громадную хищную многоножку, стремящуюся за добычей.

Горная тропа ныряет в ущелье, выход из которого заперт крепостью с высокими стенами. На сторожевых башнях ровным светом горят костры, караульные ратники в сияющих доспехах мерно вышагивают по стенам. При одном только взгляде на крепость становится ясно: воины в косматых шкурах — сколько бы их ни было — нипочем не смогут взять штурмом эту цитадель. Как и многие столетия до этого, очередная атака князей Линдерштерна разобьется об оборонительные строения на пограничных заставах королевства Крафии. Но почему же ратники Линдерштерна движутся вперед с такой наглой уверенностью? И что несут на плечах воины, замыкающие шествие? Какие-то громоздкие мешки и какие-то странные длинные трубки?..

...И вдруг в глаза Эрлу ударяет солнечный свет, и перед взором короля Гаэллона открывается бескрайняя пустыня, застывшие волны песка, буро-красного, как запекшаяся кровь. Его величество видит каменного идола, высящегося посреди песчаного моря. У этого идола звероподобное угловатое туловище и четыре лица, обращенные на четыре стороны света. То, что идолище поставлено здесь, означает: где-то недалеко располагаются поселения людей. Предки местных жителей возводили таких идолов, чтобы те охраняли их жилища от злобных духов Красных Песков...

У подножия истукана сидит юноша. Кольца его иссиня-черных кудрей перехватывает золотая диадема, украшенная

крупным бриллиантом, — в Орабии это знак принадлежности к королевской семье. Одежда (диковинного вида длинная куртка, больше напоминающая женское платье, и широченные штаны) сияет нашитыми разноцветными украшениями, но в нескольких местах она продрана, и в этих прорехах темнеют кровавые раны. В руках у юноши тяжелый ятаган... вернее, то, что от него осталось. Клинок сломан на расстоянии ладони от изукрашенной драгоценностями рукояти. Лицо юноши серо от пыли и отчаяния. По ту сторону идола валяется труп невиданного животного, напоминающего лошадь, но гораздо более крупного, с двумя горбами на поросшей рыжей шерстью спине. Несколько стрел торчат из трупа. От него к подножию идола, где сидит юноша, ведет неровная цепочка шагов.

К истукану торопливо приближаются двое: одежда на них такого же странного покроя, как и на юноше, но из простой ткани, к тому же на головах этих людей намотано тряпье, выполняющее, видимо, роль головного убора. Хищный оскал на лицах людей не оставляет никакого сомнения в том, что они — убийцы, загнавшие наконец свою жертву туда, откуда ей нипочем не сбежать. В руках у убийц — опасно поблескивающие ятаганы. Заслышав шаги, юноша на мгновение замирает. Но тут же, очнувшись, разматывает и срывает с себя пояс. Сломанный ятаган падает на песок, юноша подхватывает его и сует за пазуху. Сложив длинный пояс в несколько слоев, он поднимает с земли три камня, неведь когда отколовшиеся от древнего идола. Затем юноша выскакивает из-за своего укрытия.

Первый снаряд из импровизированной пращи попадает одному из убийц точно между глаз. Тот опрокидывается навзничь, прочерчивает в жарком воздухе кровавую дугу. Два других камня, пущенных юношей, уже не застают врага врасплох — последний из убийц без труда уворачивается от них. И, подняв ятаган, бросается в атаку. Юноша успевает выхватить из-за пазухи свое жалкое оружие. У него получается даже отразить пару ударов. Но хлестким выпадом убийца выбивает сломанный ятаган из рук противника и жестоким ударом ру-

кояти в лицо повергает обезоруженного наземь. Теперь убийца не торопится. Жертве никуда не деться...

Юноша вдруг вскакивает на ноги. Размахивая руками, он что-то говорит, о чем-то умоляет... Откуда-то из складок своего одеяния достает небольшой кожаный мешок и швыряет его к ногам наемника. Золотые треугольные монеты рассыпаются из мешка по красному песку. А убийца, расхохотавшись, указывает кривым клинком на диадему на голове юноши. Тот с искаженным лицом отрицательно качает головой. Убийца хохочет над нелепыми попытками жертвы выторговать себе жизнь... Что помешает ему обобрать юношу дочиста уже после того, как он разрежет ему горло? Впрочем, через пять ударов сердца наемник опускает ятаган и, склонив голову, начинает прислушиваться внимательнее — к тому, что, задыхаясь и жестикулируя, говорит несчастный. Нетрудно догадаться, о чем идет речь. Этот юноша с диадемой в черных курчавых волосах принадлежит к королевской семье, он несказанно богат. В обмен на свою жизнь он готов дать наемному воину столько золота, сколько тот не видывал даже во снах. Опустившись на колени, юноша пальцами чертит на песке какой-то план. По тому, как он с ненужной тщательностью вырисовывает условные обозначения деревьев, строений и дорог, можно понять — побежденный стремится выиграть время. А безостановочно говорит — чтобы заморочить своего врага. Рисунок на песке становится все больше. Продолжая очередную линию, знатный юноша подползает к убийце (тот, околдованный речью своей жертвы, весь обратился в зрение и слух) и вдруг швыряет в лицо противнику пригоршню песка! Наемник, резко отпрянув, роняет свой ятаган... Через мгновение оба, яростно колотя друг друга, катаются по красному песку — и уже неясно, кто из них убийца, а кто — жертва. Впрочем, жажда жизни оказывается сильнее опыта и силы — подмяв под себя противника, принц впивается руками в его горло; злодей сучит ногами, взбивая красную песчаную пыль, наносит кулаками по лицу и голове неудавшейся жертвы беспорядочные удары, которые становятся все слабее и слабее... Скоро юноша поднимается. Бледная улыбка блуждает по его окровавленному лицу. Неведомый принц из далекой

страны сумел выжить. Он победил — но лишь на этот раз. А что ждет его дальше?..

Будто порыв ветра хлестнул по лицу короля Гаэлона. Эрл часто заморгал, почувствовав резь в глазах, а в голове — мутноватое, странное и пугающее ощущение, какое испытывает человек всякий раз, когда его неожиданно вырывают из объятий глубокого сна. Он открыл глаза и обнаружил, что стоит все на том же балконе Башни Ветров, а далеко под ним расстилается великий Дарбион, столица его королевства.

Эльфы застыли по бокам от него.

— Зачем вы показали мне все это? — хотел спросить Эрл, но не успел. Лилатирий заговорил прежде, чем он открыл рот.

— В Гаэлоне теперь спокойно, — сказал Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время, — но на землях королевств, окружающих его, по-прежнему льется кровь и гибнут люди.

— То, что вы мне показали... — начал было король.

— Происходит на самом деле, — ответил Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатowego Пламени, — в этот час, пока мы с тобой, рыцарь, стоим здесь.

Эрл помолчал. Отер лицо ладонями. Все-таки он еще не полностью оправился от резкого перехода из мира беззвучных видений к действительности.

— Так было всегда, — сказал наконец король. — Власть пьянит людей. Константин, называвший себя Великим, стремился объединить все Шесть Королевств в единую Империю. Для этого он создал цепь заговоров, уничтоживших правителей соседствующих с Гаэлоном государств. И поставил на их места своих людей. Но установленная таким образом власть не продержалась долго. Как только вековое равновесие пошатнулось, нашлось множество тех, кто посчитал себя достойным занять престол. Так закрутилось колесо кровавых войн. Но скоро все прекратится. Сильнейшие пожрут слабых, и во всех Шести Королевствах вновь наступит мир.

— Надолго ли? — усомнился Лилатирий. — Стремление людей к власти подобно жажде. Никогда не получится утолить ее досыта. Пройдет какое-то время, и снова захочется пить. Люди гибнут, потому что нет крепкой руки, способной удерживать в кулаке власть над всем человеческим миром сразу.

Эрл удивленно воззрился на эльфа. Он словно не поверил в то, что услышал.

— Высокий Народ обеспокоен тем, что творится в Шести Королевствах, — продолжил Орелий. — Высокий Народ помог народу Гаэлона выбраться из трясины Смутных Времен, тогда как прочие государства накрепко в этой трясины увязли. Мы, эльфы, с одинаковым тщанием заботимся обо всем человечестве. И пока над всеми Шестью Королевствами не воцарится единая власть, на этих землях всегда будет литься кровь.

— Насколько мне известно, — проговорил Эрл, — Высокий Народ всегда противился тому, чтобы люди объединялись. Разве не для того, чтобы предупредить становление новой Империи, Высокий Народ встал на нашу сторону в войне с Константином?

— Время идет, и многое меняется, — сказал Орелий. — Разве ты сам не чувствуешь этого, рыцарь? Высокий Народ и люди сражались бок о бок друг с другом, сражались и гибли... Если бы ты узнал об этом до того, как все произошло, — ты бы поверил?

— Нет, — честно ответил Эрл. — После Великой Войны... эльфы лишь изредка снисходили к людям. И никогда не помогали им в их бедах.

— Все изменилось, — повторил Орелий. — Высокий Народ оценил то, как люди могут принимать решения и следовать велениям высшей цели несмотря ни на что. Если хочешь знать правду, рыцарь, мнение эльфов о людях — изменилось. Когда-то мы считали, что человечество еще не достигло той ступени развития, на которой можно перейти к другому уровню существования. После войны с Константином мы поняли: это время настало.

— Высокий Народ, — произнес Лилатирий, — будет рад заключить союз с новой и могучей Империей людей. Едино-

властие многократно усилит человечество. И нам больше не придется сражаться и умирать, чтобы спасти земли людей от кровавого хаоса. Наш Народ слишком малочислен для этого. Жизнь каждого из нас слишком ценна.

— Гаэлон, Марборн, Крафия, Линдерштерн, Кастария и Орабия станут одним государством, — сказал Орелий. — И лучшего императора, чем ты, рыцарь, мы не видим.

— Не сомневайся, — добавил Лилатирий. — Высокий Народ поможет тебе создать Империю.

— Это... — внезапно охрипнув, проговорил Эрл. — Это очень неожиданно.

— Империи — быть, — твердо произнес Орелий. — Она просто необходима для человечества. И начинать строить ее нужно именно сейчас — когда вековой порядок в Шести Королевствах уже безнадежно разрушен. Удобнее момента не придумаешь. Стать императором должен ты, рыцарь. Кто еще, кроме тебя? Ты молод, но умен. Ты заслужил наше доверие и любовь своих подданных, освободив их от страшного гнета узурпатора. Очень скоро твоя невеста, рыцарь, ее высочество принцесса Лития, прибудет в Дарбион. Вы вступите в брак — и дадите начало новой династии. Императорской династии, рыцарь.

Король Гаэлона Эрл Победитель пришел в себя. Ему теперь даже странно было, что поначалу он так изумился предложению эльфов. Сейчас все, о чем говорили Хранитель Поющих Книг и Принц Хрустального Дворца, казалось простым и понятным. Да — единовластие положит конец череде войн в Шести Королевствах. И да: именно он — тот единственный человек, который сумеет стать первым императором.

— Империи — быть, — негромко повторил Эрл.

— Запомни, рыцарь, — веско произнес Лилатирий. — В этот самый момент решилась судьба всего мира людей. Этот день станет началом новой страницы истории человечества.

Эрл кивнул. Что тут было говорить? И так все предельно ясно...

— Нужно действовать быстро и решительно, — продолжил Лилатирий. — По-настоящему великие свершения не

терпят промедлений. И первое, что нужно сделать тебе, рыцарь, — это обуздать Орден Королевских Магов. А еще лучше — вовсе упразднить.

Король нахмурился:

— Но ведь это... Разве можно лишать королевство защиты магов? Орден и без того сильно пострадал в ходе войны. Его нужно восстанавливать, а вовсе не обуздывать или упразднять!

— Восстанавливать? — воскликнул Орелий. — О чем ты говоришь, рыцарь? Маги едва не погубили твое королевство, а ты сам стремишься поскорее залечить их раны!

— Королевство без Ордена Магов сильно ослабеет, — упрямо проговорил Эрл. — Нет... Я никак не могу пойти на это. К тому же те маги, которые сражались против нас, давным-давно мертвы.

— На их место придут другие.

— Другие — вот именно, — кивнул Эрл. — Они будут другими. Я сам воспитаю их так, как должно.

Эльфы переглянулись. И не стали дальше спорить. Видно, в их планы не входило заканчивать столь важный разговор конфликтом. Лилатирий Глядящий Сквозь Время сменил тему:

— Было бы очень хорошо, если бы твоя свадьба с принцессой, рыцарь, состоялась уже в ближайшие дни, — сказал он.

— Двадцать два дня назад я отправил большой отряд в главе с сэром Бранадом к Болотной Крепости Порога, где мои братья рыцари укрыли ее высочество принцессу Литию от слуг Константина, — сообщил Эрл. — Я повелел сэру Бранаду не медлить в пути, но дорога до Туманных Болот так долга...

— Не беспокойся, рыцарь, — сказал Лилатирий. — Я улажу это дело.

Лицо короля вдруг исказилось.

— Нет! — выкрикнул он. Но, тотчас взяв себя в руки, продолжил более спокойно: — Я бы не стал так спешить.

— Почему, рыцарь? — спросил Лилатирий. — Теперь я вижу, что-то беспокоит тебя... — Алые огоньки тепло запульсировали в прорезях его маски.

Король поспешно отвел глаза. Ему вовсе не хотелось, чтобы эльф прочитал в его голове... то темное и смрадное,

что жестоко мучило его последние дни. Высокий Народ не должен знать об этом! Никто не должен знать...

— Мы поможем тебе, — сказал Орелий. — Тебе ведь известно, что мы сделаем все, чтобы помочь тебе. Почему ты не хочешь, чтобы ее высочество как можно скорее оказалась во дворце?

— Я... всем сердцем желаю поскорее увидеть Литию! Я просто хочу сказать... следует лучше подготовиться к прибытию принцессы.

— За этим дело не станет, — отозвался Лилатирий. — Если ты пожелаешь, мы и в этом тебе поможем. Итак... я доставлю ее высочество во Дворец уже через несколько дней. Ты ведь не против того, чтобы встретиться с возлюбленной, скажем, через два дня?

Эрл как-то ломано кивнул.

— Да, да... — сказал он. — Конечно, не против...

Это было весеннее яркое утро на опушке зеленого леса, раскинувшего тень близ проезжей дороги, ведущей из города Ардоба — одного из захолустных городков на дальних юго-западных рубежах королевства Гаэлон. На дороге утонула в жирной черной грязи карета, запряженная тройкой жеребцов. Еще около десятка оседланных коней пощипывали неподалеку молодую травку. На козлах кареты сидел тощий, как вяленая треска, кучер и, разинув рот, глядел в сторону опушки.

А над лесом натянутой до предела струной тревожно гудела тишина.

Удивление кучера было понятно. Не бывает такой странной тишины там, где на нешироком пяточке собралась довольно большая группа людей — не менее семи десятков. У дороги стояли на коленях, склонив головы, десять вооруженных воинов. Среди них выделялся один, чьи доспехи во многих местах сияли позолотой, а плюмаж на шлеме пылал, как костер. Чуть поодаль замер в седлах отряд численностью в полсотни клинков. Возглавлявший отряд чернородый рыцарь напряженно стиснул ладонь на рукояти меча.

Между коленопреклоненными воинами и воинами, восседавшими на конях, стояли пятеро.

Одной из них была юная девушка в простой дорожной одежде из кожи. Волосы ее, туго стянутые на затылке крепким узлом, отливали золотом под весенним солнцем. Рядом с девушкой стояли трое рыцарей. Первый рыцарь был облачен в полный доспех, но необычен был этот доспех — явно не из металла ковался он. Будто в черные зеркала обернули рыцаря, но в зеркала, не способные отражать свет, — казалось, что сама душа тьмы затаилась внутри доспешных пластин. Шлем венчался пучком длинных и гибких игл, а поднятое забрало открывало юное лицо, обрамленное прядями темных волос, в которых почему-то поблескивали нити седины. Второй рыцарь был стар. Об этом представлялась возможность судить по аккуратно подстриженной белой бороде да морщинам на сухом лице — тень от поднятого забрала делала эти морщины еще глубже и резче. Доспех рыцаря также выглядел странно и даже пугающе. Похоже, броню старика изготовили из панцирей каких-то невиданных гигантских насекомых. Она была ядовито-лилового цвета и сплошь щетинилась шипами: на груди и спине — короткими тонкими и прямыми, на сочленениях рук и ног — крупными и зубчатыми, а на плечах — длинными и угрожающе изогнутыми. На шее, на поясах и запястьях обоих рыцарей посверкивали десятки диковинных амулетов. Оба были вооружены мечами с рукоятями в виде голов виверны; у юноши — меч висел на поясном ремне, а у старика — крепился за спиной. Третий рыцарь, хоть и смотрелся настоящим великаном, возрастом явно ненамного превосходил юношу с сединой в волосах. Грубоватое его лицо понизу курчавилось жидкой светлой бородкой, а белокурые, коротко остриженные волосы, должно быть, никогда не знали гребня. Доспехи верзилы были кожаными, давно и изрядно иссеченными. Над правым его плечом торчала рукоять боевого топора.

А пятый... тот, который стоял напротив этих четверых... и вовсе не являлся представителем человеческой расы. Его звали — Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время.

Было слышно лишь лошадиное фырканье да беззаботное пение птиц. Люди не издавали ни звука. Тишина казалась настолько страшной и тянулась так долго, что ничего удивительного не было в том, что откуда-то из группы стоящих на коленях послышался истерический всхлип.

Вслед за этим юный рыцарь в черных доспехах обнажил меч — жуткий меч с багровым, причудливо искривленным клинком. Опустил забрало и проговорил, обращаясь к эльфу:

— Она останется.

Из ротовой прорези серебряной маски эльфа вырвалось короткое, едва слышное шипение.

— Ты представляешь себе, рыцарь, — прозвенел голос Лилатирия, — какие последствия повлечет за собой твой поступок?

Черный рыцарь ничего не ответил. За него сказал старик в шипастых доспехах:

— Ее высочество не изъявила желания следовать за тобой. Чтобы заставить ее, ты применил магию. Когда действием своих амулетов мы развеяли твои чары, ее высочество подтвердила свой отказ. У нас нет причин доверять тебе, эльф. Но даже если бы и были — сэры Кай и сэры Оттар поклялись оберегать принцессу от всех напастей...

Юный рыцарь в черных доспехах (как видно, его звали сэры Кай) и белокурый великан, вооруженный топором (это он носил непривычное для уха жителей Гаэлона имя Оттар), одновременно обернулись, чтобы поклониться золотоволосой. Принцесса ответила им преисполненным благодарности взглядом. На дне ее глаз все еще плавал страх, и по тому, что страх этот загорался ярче, когда она смотрела на эльфа, было ясно: Лилатирий пугал ее.

— И пока никто не освобождал их от несения этой службы, — договорил старик. — Ее высочество пойдет в Дарбион вместе с нами.

— Я не намерен причинить ее высочеству ни малейшего вреда. — Теперь голос Лилатирия звучал вкрадчиво — но в нем ясно были слышны нотки едва сдерживаемого гнева. — Я всего лишь предложил ее высочеству силой магии перенестись в Дарбионский королевский дворец. Это займет толь-

ко мгновение, тогда как обычный путь растянется на долгие недели.

— Сказано тебе, — прорычал белокурый великан в кожаных доспехах. — Принцесса пойдет вместе с нами. И нечего больше труситься.

По рядам воинов, окружавших эльфа, принцессу и рыцарей, пронесся изумленный вздох. Мыслимо ли представить, чтобы обычные люди так разговаривали с представителем Высокого Народа?! Народа, коему все человечество было обязано избавлением от беззаконной власти ужасного мага Константина?!

Лилатирий, кажется, хотел что-то сказать. Но, видно, прорвавшийся наружу гнев не дал ему сделать этого. Он снова зашипел, и на этот раз шипение вышло громким: режущим слух, точно ржавый кинжал.

Старик-рыцарь опустил забрало. Белокурый сэр Оттар поднял руку к рукояти топора, видневшейся за плечом.

Тогда эльф неуловимо быстро изогнулся всем телом, словно пронзенный внезапной судорогой. Он вскинул руки вверх и молниеносным взглядом, вспыхнувшим в глазных прорезях серебряной маски, окинул все вокруг.

Будто рябь пронеслась по картине действительности, на крохотную долю мгновения превратив реальность в плоское изображение. А когда все снова стало как обычно, в том месте, где только что находился Лилатирий, медленно развеивались полосы синего дыма.

И тут же злобный — как бы нечеловеческий рев — накрыл лесную опушку. Этот рев рвался из распяленных ртов ратников, окружавших принцессу и рыцарей. Те, кто стоял на коленях, повскакивали на ноги, с лязгом выхватывая мечи из ножен. Те, кто сидел на конях, кинулись на землю, торопясь так, что многие запутались в стремях.

Воины — все, более шестидесяти человек — с обнаженными мечами в руках бросились на троих рыцарей. Даже облепленные дорожной грязью мужики-слуги, путешествовавшие на запятках кареты, размахивая кулаками, ринулись в бой. Даже тщедушный кучер — и тот соскочил с козел и, поудобней перехватив рукоять своего кнута, вклинился в общую вопящую кучу.

Волны нападавших обрушились со всех сторон и захлестнули рыцарей и принцессу.

Отгар проворно выпростал двуручный топор из наспинной перевязи, успел крутануть его над головой, разминая руки. Первого, кто подбежал к нему, он встретил мощным ударом по голове — и только в последний момент повернул свое оружие так, что удар пришелся плашмя. Воин отлетел в сторону, сшиб с ног сразу троих своих товарищей.

— Брат Отгар! — строго окликнул верзилу сэр Кай. — Сдерживай свой гнев! Помни, что рыцарю Болотной Крепости не пристало сражаться с людьми... Тем более с теми, чей разум пленен магическими чарами... Если ты стремишься к тому, чтобы войти в Крепость, наши правила — теперь твои правила!

Кай молниеносным движением багрового клинка перерубил мечи двоих подскочивших к нему воинов. И закончил:

— Рыцарь Болотной Крепости может только вразумлять людей...

Отгар послушно кивнул. И следующий удар нанес уже рукоятью своего топора. Кай же бросил меч в ножны и с ловкостью, невероятной для человека, облаченного в доспехи, скользнул вперед — поднырнул под занесенный над ним меч. Схватив атакующего одной рукой за правое запястье, а другой — за широкий кожаный ремень, он резким толчком крутанул его, с размаху швырнув о землю. И тотчас развернулся в сторону очередного противника, который обрушил на его голову утыканную массивными треугольными шипами булаву. Если бы разум обладателя булавы не был затуманен эльфийской магией, он бы точно подивился тому, каким это волшебным образом его булава вдруг оказалась в руках у рыцаря в черных доспехах. Впрочем, имей даже этот ратник возможность мыслить свободно, вполне вероятно, он все равно не успел бы ничему удивиться. Потому что сразу после того, как Кай завладел его оружием, сам воин полетел кувырком и еще в полете лишился чувств. Чудесный доспех сэра Кая практически не стеснял его движения. Тогда как облаченные в тяжелую броню враги, будучи повергнуты на землю, далеко не сразу могли подняться.

— Брат Кай! — рыкнул Оттар, сосредоточенно орудуя своим топором, лезвие которого до сих пор не было обогрето кровью. — Ее высочество-то, брат Кай!...

— Не тревожься об этом, брат Оттар, — откликнулся Кай и, резко присев, полоснул тяжелой булавой по ногам наступающих на него воинов.

Ратники, казалось, вовсе не замечали золотоволосой принцессы. словно быки, не видящие ничего, кроме раздражающей зрение красной тряпки, они различали лишь силуэты троих рыцарей. Для них, влекомых кровожадной страстью убийства, ничего другого сейчас не существовало.

Но принцесса, как только на придорожной лесной опушке закипела битва, вышла из оцепенения. Будто с исчезновением эльфа с нее спали незримые путы неуверенности и страха. Выхватив из ножен, висящих на поясе, короткий меч, она приняла боевую стойку. Впрочем, вступить в схватку не получилось. Седобородый старик в утыканых устрашающими шипами доспехах сразу занял такую позицию, что золотоволосая Лития оказалась между его спиной и спиной сэра Кая.

Старик-рыцарь даже не пытался обнажить свой меч. Он стянул с обеих рук латные перчатки, сделанные из того же диковинного материала, что и весь его доспех, и, действуя ими, как кистенем, опрокинул навзничь первых двух ринувшихся на него ратников, проломив им решетки забрала. Видимо, материал, из которого изготавливали броню старика, был намного прочнее металла. Затем старый рыцарь бросил перчатки под ноги, пронзительно свистнул и, бормоча что-то себе под нос, вытянул вперед руки. Сразу несколько человек кинулись на безоружного, но подоспевший на сигнал старика Кай разбросал их отнятой у врага булавой.

Закончив бормотать, седобородый всплеснул руками, словно стряхивая с них воду. Из-под ногтя каждого пальца его вдруг плеснуло серым дымом — дымные струйки мгновенно вытянулись, обретая плотность и необычайную подвижность, и превратились в подобия длинных плетей. Старик хлестнул этими плетями ближайших к нему нападавших. Эффект этого удара оказался невероятным. Тех, кого коснулись дымные плети, отбросило на несколько шагов.

Старик взмахнул плетью еще раз и еще... Дымные плети мяли и плющили доспехи, рвали кожаные ремни, соединявшие части лат; прожигали подлатники и куртки — оставляли на обнажившихся телах жуткие багровые ссадины, от которых валил густой дым, но не черный, а красный — будто раны таким образом кровоточили.

— Ах ты... — выдохнул за спиною старика сэр Оттар, ударя тупой стороной топора в плечо очередного ратника, который с отчаянным ревом бросился в атаку, словно не замечая того, что клинок его переломлен у самой рукояти. — Да они совсем полоумные! — завопил верзила. — Я вот этого уже два раза сшибал! У него половина костей точно переломана, а все равно лезет! А ты куда?! — рявкнул Оттар, отшвыривая ногой воина — тот, не имея сил встать, все же пытался вцепиться в лодыжку рыцаря зубами. — Тебя уложили, значит — лежи!

Ратники, сбитые с ног ударами булавы Кая, корячась на земле, сдирали с себя покореженные доспехи — чтобы легче было подняться, чтобы скорее снова кинуться в бой. Даже те, которые получили такие травмы, что уж точно никак не должны были сражаться дальше, продолжали наступать. Те, у кого выбивали или ломали оружие, — хватали что попадалось под руку: камни с земли, части доспехов, а то и просто пытались достать рыцарей голыми руками. Вой и рев метался над опушкой — нападая, ратники не переставали страшно вопить.

Брошенным одним из противником камнем Оттару рассекло бровь. Страшно выругавшись, верзила потрянул головой — половину его лица тут же залила кровь.

Старик, мельком оглянувшись на Оттара, снова пронзительно свистнул. Кай глянул в его сторону, и старый рыцарь прокричал ему какое-то непонятное слово, словно состоящее из одного рычания. Кай понимающе кивнул и метнул булаву в рыцаря с пышным тюрбаном на шлеме, мчащегося прямо на принцессу. Булава угодила латнику точно в правый наплечник, заставив его, прежде чем он шмякнулся о землю, сделать два полных оборота вокруг своей оси. Избавившись от оружия, Кай поднял руки и сцепил их в замок над головой. И запел — сначала тихо, а потом все громче и громче. Он будто бы пел одно-единственное слово, переполненное нескон-

чаемым и непонятым для всех остальных людей смыслом. Пока рыцарь пел, старик отшвыривал от него своими дымными плетями подсакивающих безумцев.

Сэр Кай смолк. И тотчас движения ратников замедлились — они двигались теперь, будто воздух вокруг них превратился в прозрачный ил, продаться через который стоило немалых усилий. Рев, оглушавший рыцарей и их спутницу все это время, превратился в негромкое, чрезвычайно низкое рокотание — похожее на ворчанье далекого-далекого грома. Принцесса и Оттар в изумлении заозирались, а Кай упал на колени, забрало его шлема лязгнуло о нагрудник, руки обвисли.

Тогда запел седобородый. Пение его не было похожим на пение Кая. Старик-рыцарь ритмично выкрикивал отрывистые короткие слова, которые, казалось, не уносились прочь, а затвердевали в воздухе невидимыми сгустками, загромаждая пространство. Когда седобородый закончил петь, над головами принцессы и троих рыцарей появились... словно бы их отражения — четыре трепещущих фантома. Золотоволосая прикрыла глаза рукой. Оттар выругался и подпрыгнул, чтобы схватить за ногу своего призрачного двойника. Рука рыцаря прошла сквозь фантом, не встретив никакого сопротивления.

И вновь над лесной опушкой взметнулся рев обезумевших ратников. Движения их снова стали быстры — с прежней свирепостью ратники бросились на своих противников. Но седобородый взмахнул рукой, и фантомы поплыли над поверхностью земли в сторону леса. Ратники — и те, которые не успели получить серьезных повреждений, и те, кто уже с трудом передвигался — устремились вслед за своими эфирными двойниками. Очень скоро на опушке стало тихо и просторно. О бушевавшем здесь только что сражении говорили лишь валявшиеся повсюду обломки оружия и доспехов, да еще — несколько изувеченных бесчувственных тел, лежавших главным образом там, где орудовал своим топором сэр Оттар. Кони рыцарей, заранее стреноженные, тревожно ржали поодаль. Коней ратников нигде не было видно — испуганные шумом битвы, они разбежались кто куда...

Сэр Кай с трудом стащил с головы шлем. Принцесса поразилась тому, как бледно было лицо юного рыцаря. Она шагнула к нему, но тот через силу усмехнулся и успокаивающе поднял руку.

— Н-да... — проворчал Оттар, озираясь по сторонам. — Они что — не вернутся?

Ему ответил Кай.

— Они будут бежать вслед за фантомами, пока силы окончательно не оставят их, — сказал рыцарь, не пытаясь подняться, напротив, усаживаясь поудобнее. — Эльфийские чары сильны... Возможно, лишь к утру следующего дня воины придут в себя...

Принцесса неуверенно усмехнулась. Посмотрев на меч в своих руках, медленно вложила его в ножны.

— Эльфийские чары сильны, — повторила она. — Но ваша магия, сэр Кай... Кто бы мог подумать, что заклинанием можно замедлить время. Я всегда считала, что на такое не способен ни один — даже самый сильный — маг.

— Это не... — начал говорить Кай, но вдруг, закатив глаза, повалился на бок.

Вскрикнув, золотоволосая кинулась к нему. А Оттар тревожно нахмурился и вопросительно окликнул седобородого.

Старик в это время был занят тем, что обходил лежащих без сознания недавних врагов своих и осматривал их раны. Он обернулся на оклик верзилы и сообщил:

— Замедлить или остановить время не может никто. Заклинание, которое произнес брат Кай, просто ускорило всех нас, сделало наши тела стремительнее — правда, ненадолго. Кай отдал нам свою жизненную энергию.

— Он!.. — выкрикнула Лития. — Он, кажется, не дышит!..

— С ним все будет в порядке, — сказал старик, снимая с одного из ратников помятую кирасу, чтобы осмотреть грудную клетку. — Брат Кай не вполне еще оправился после своей битвы с Ловцом Разума... Оттого и прочтение Великого Слова Жертвы далось ему нелегко. Отвар голубиной травы приведет его в чувство. Вы знаете, как приготовить отвар, ваше высочество...

Последняя фраза была произнесена с интонацией утвердительной. Лития кивнула и, не теряя времени, направилась к лесу.

— Брат Оттар! — позвал седобородый верзилу. — Ее высочество позаботится о брате Кае, а ты должен помочь мне. Здесь полно обломков клинков — мне нужны те, что подлиннее. И еще — крепежные латные ремни. Нужно изготовить несколько шин...

— Убивать людей куда как проще, чем их вразумлять, — проворчал северянин, проводя пальцем по лезвию топора, покрытому зазубринами, но не испачканному кровью. — Они нас разорвать пытались, а мы теперь на царапинки им дуем.

— Хороши царапинки, — усмехнулся старик, глядя, как Оттар собирает сломанные клинки в охапку, будто дрова. — Ты так здорово обработал этих несчастных, что, если им не оказать сейчас помощь, они вряд ли уже придут в себя... А мы не можем допустить, чтобы по нашей вине гибли люди. Наш Долг — защищать людей, а не убивать их... Поэтому я и создал фантомов — когда понял, что этих ратников удастся остановить, только убив или сильно покалечив.

— Зато коней теперь — сколько угодно, — сказал Оттар, ссыпая к ногам старика груды клинков, — целый табун. Да и откормленные какие... В ближайшем городе за них хорошо заплатят. Только собрать их надобно. Это я быстро — вряд ли они очень уж далеко удрали... А эвона — штук пять по степи рыщут...

— Не нужно брать с собою больше того, что ты сможешь без труда унести, — наставительно произнес седобородый. — Всегда избегай обузы в долгой дороге.

Он выпрямился, мелко ступая, медленно повернулся вокруг своей оси, точно выглядывая нечто, кому-то другому невидимое. Затем дважды замысловато свистнул.

Менее чем через четверть часа на опушку со всех четырех сторон стали сбредаться оседланные кони, волоча за собой поводья и привязанные к лукам седел, но слетевшие от дикой скачки мешки с провизией.

— Хэх! — мотнул головой Оттар и тут же сморщился — видно, плеснулась в ушибленной его черепашке боль. —

Слушаются они тебя... — сказал, потирая затылок, — а ведь, считай, первый раз видят...

Старик усмехнулся. Поднял голову и свистнул еще раз — свистом свирбьяще-тонким, от которого у Оттара противно заныло в ушах. Северянин моргнул, огляделся по сторонам и вдруг охнул, уставился в сторону леса. Оттуда, двигаясь редкими и короткими прыжками, показался заяц. Потом еще один. Потом еще... Зверьки подбирались к людям осторожно, но, казалось, без особого страха. Старик свистнул еще раз. Зайцы — будто их вытянули плетью — с визгом бросились обратно в лес.

— Этому не учат в Укрывище! — звонким от обиды голосом воскликнул верзила.

— Этому учит старый Аша, что живет на Грязном пастбище, у берегов Горши, — сказал седобородый старик. — Жаль, что у тебя не хватило времени навестить его.

— Жаль, — согласился Оттар.

Пока старик накладывал первую шину, верзила отошел, чтобы подобрать еще ремней. Торопливым шагом вернулась из леса принцесса. Кроме пучка травы она несла еще и несколько сухих сучьев, между которыми были воткнуты лоскуты седого прошлогоднего мха. Переломав сучья и поставив их пирамидкой, Лития обложила образовавшуюся пирамидку мхом. Затем сняла с пояса огниво. И опытный лесной охотник не смог бы разжечь костра так же быстро, как сделала это золотоволосая принцесса. Более года прошло с тех пор, как она вынуждена была бежать из Дарбионского королевского дворца. Куда подевалась та испуганная девчонка, не умевшая не то что разжигать костры, а даже самостоятельно затянуть корсет? Странствия с рыцарями Братства Порога и обучение в Укрывище на Туманных Болотах полностью изменили принцессу. Можно было смело ставить золотой гаэлон против конского копыта, что во всех Шести Королевствах не найдется особы королевской крови, способной превзойти Литию в бою без оружия или на мечах, в искусстве врачевания травами или умении выживать в безлюдной местности... Впрочем, все эти навыки были лишь частью тех знаний, которые приобрела принцесса за те долгие месяцы, когда путь в родной дом был для нее закрыт.

Все трое действовали сосредоточенно и слаженно. В котелке над костром уже закипало варево из тщательно растертых стеблей голубиной травы, оставался лишь один раненый, которому следовало наложить повязки и шины. Тогда сэр Оттар вновь нарушил молчание.

— А долговязый-то, — проговорил он, имея в виду, вероятно, бежавшего с поля сражения эльфа, — отменной гадинной оказался. Будь на нашем месте кто-нибудь другой, этого кого-нибудь толпа одуревших болванов вмиг затоптала бы. А то на каждом углу только и слышишь, как людишки славословят Высокий Народ. И эльфы — вона какие, оказываются... Правильно брат Кай тогда, в Дарбионском дворце, вломил им по первое число! А вот тех ребят, которые брату Каю в Болотной Крепости тем случаем в глаза тыкали, привести бы сюда... Поглядели бы — на тех, за кого заступаются! Ишь ты: не понравилось, как ему прекословят!

— Высокий Народ так же подвержен страстям, как и люди, — ответил седобородый. — Нельзя судить обо всем народе по одному только его представителю. А этого эльфа нельзя судить за один только его поступок. Мы сражаемся лишь с теми, кого наш Кодекс велит считать врагом рода человеческого. А из того, что мы знаем о Высоком Народe, нельзя утверждать, что они — враги. В конце концов именно эльфы встали на сторону брата Эрла в войне с Константином. Именно они предотвратили гибель тысяч и тысяч людей. Следовательно, нельзя полагать врагами тех, кто принес человечеству великое благо.

Раненый, которому накладывали шину на сломанную руку, вдруг очнулся. Сверкнув налитыми кровью глазами, он зарычал и попытался укунить Оттара за палец. Верзила проворно отдернул руку и тут же закатил очнувшемуся оплеуху, от которой тот снова лишился чувств.

— Чтоб не дергался, — пояснил Оттар укоризненно взглянувшему на него старику, — ему же добро делаешь, а он тебя зубами тяпнуть норовит!

Седобородый рыцарь усмехнулся.

— Совсем непросто разглядеть, — сказал он, — что есть благо, а что — худо. Где истинный враг, а где — всего лишь фантом.

ГЛАВА 2

Парселис по прозвищу Сверчок три последних года был занят тем, что обучал стихосложению самого герцога Циана — одного из богатейших аристократов королевства Крафия. К концу обучения герцог преуспел в высоком искусстве настолько, что его поэме рукоплескала сама ее величество королева Крафии Киссиария Высокомудрая. Правда, при дворе шептались, что восторг ее величества был обусловлен не столько талантом Циана, сколько ларцом с драгоценностями, который герцог преподнес своей королеве вместе с поэмой. Но, как бы то ни было, на следующий же день после того, как строки, сочиненные герцогом Цианом под чутким руководством Парселиса, прозвучали в тронном зале Таланского королевского дворца, придворные менестрели во все лопатки принялись перекладывать поэму на музыку, а сам Циан решил, что в услугах Парселиса более не нуждается. Парселис же — не будь дурак — разуверять Циана в этом не стал. А наоборот: со светлыми слезами радости на глазах сообщил герцогу о том, что высшее счастье для настоящего поэта — это когда ученик превосходит своего учителя. Поэтому и получил в награду за трехлетние свои труды немалый кошель золота и в придачу звание капитана одной из приграничных застав, что располагалась на окраине обширных владений герцога. Вверяя в руки поэта крепость с гарнизоном в сотню воинов, окрестную деревеньку с двумя десятками крестьян, Циан рассуждал следующим образом: если человек способен понять и прочувствовать то, что неизмеримо выше всяких земных проблем, то уж разрешить эти самые проблемы для него не составит никакого труда. Кстати сказать, в Крафии подобного рода случаи ни у кого удивления не вызывали. Все потому, что вот уже долгие века правители этих земель всеми силами поддерживали статус своей страны — как самой просвещенной из всех Шести Королевств. Нигде, кроме как в Крафии, нельзя было найти столько университетов, библиотек, обсерваторий и магических лабораторий. Крафийские ученые, историки, поэты и маги — если им вдруг взбрело в головы покинуть родину — легко находили себе место при дворе любого из сосед-

них государств. За исключением, пожалуй, княжества Линдерштерн: давнего и лютого врага страны.

В этот теплый весенний вечер Парселис Сверчок возлежал в глубоком кресле, задрав тощие голые ноги на заваленный пергаментными свитками стол. Кроме свитков на столе помещались еще два преогромных кувшина, один из которых был полон, а другой — почти пуст. И, судя по багровеющему в скудном свете потолочного масляного светильника носу поэта, в кувшинах этих налито было далеко не молоко. Парселис мирно похрапывал, сложив руки на начищенной кирасе, надетой прямо поверх ночной рубахи — и, возможно, продремал бы так до утра, но гулкий удар медного колокола, укрепленного на воротах крепости с внешней стороны, заставил его открыть глаза.

Парселис икнул и попытался принять вертикальное положение, вследствие чего свалился с кресла на пол, едва не опрокинув стол.

Колокол ударил снова.

Обалдело моргая, Сверчок не без труда вскарабкался обратно в кресло.

— Кого это несет? — спросил Парселис у кувшинов дребезжащим тоненьким голоском. — А? Кого несет-то в такое время?

Кувшины, понятное дело, промолчали. Вообще-то Парселису не впервой было разговаривать с неодушевленными предметами, но вот отвечать они ему начинали, только когда он выпивал не менее десяти—двенадцати кружек. Сейчас же до того состояния, когда и кувшин становится приятным собеседником, поэту недоставало еще кружек пяти.

Парселис вздохнул и тут же принялся исправлять это досадное недоразумение. Выпив одну за другой три кружки, Сверчок воодушевился настолько, что прочитал кувшинам длинное лирическое стихотворение. Однако, вместо того чтобы восхищаться и рукоплескать, кувшины все так же туго молчали. Поэт обиделся.

— Болваны вы, — сказал он. — Как и все здесь...

Опрокинув еще кружку, Парселис ударил кулаком по столу и прослезился.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЗАРАЖЕННАЯ КРОВЬ	12
Часть вторая. ЗАПРЕТНОЕ ИСКУССТВО	154
Часть третья. КАЗНЬ	260
<i>Эпilog</i>	342